

Осколки на ладони

«Хореографические композиции». Балет Джиджи Качиулеану (Париж)

Анна Гордеева

ЖЖ

анр записной книжки, сборника афоризмов, где цитаты находятся рядом с воспоминаниями, а воспоминания вдруг начинают напоминать цитаты, — это жанр «Осколков» Качиулеану, спектакля, поставленного на музыку А. С. Аренского. Читаемые вслух отрывки из чеховских пьес развертываются в вариации — и чувствуешь некоторую неловкость, как при чтении дневника, пусть даже и предназначенного для печати.

В «Иванове» хореографа интересуют не только три главных действующих лица, но и персонаж, у Чехова на сцене не появляющийся, — некий заключенный. И то, что «о нем» поставлен большой кусок хореографического текста, и то, что его ташат две личности в сером, — пускает мысль по накатанной дорожке: ну конечно, хореограф румын, хоть и живет двадцать с лишним лет во Франции.

Но это тривиальное понимание не раздражает, потому что вдруг начинает проявляться тот странный сплав школы Большого театра и школы Пины Бауш, что присутствует в хореографии Джиджи Качиулеану. Он чувствует как классик, а мыслит как современный танцовщик, и отсюда вся его «разность»: все постановки так отличаются друг от друга и так похожи на своего создателя.

И «Комедия» на музыку Люлли — чистый классический дивертисмент (причем классический по всем основаниям): сюжет вроде бы из Мольера.

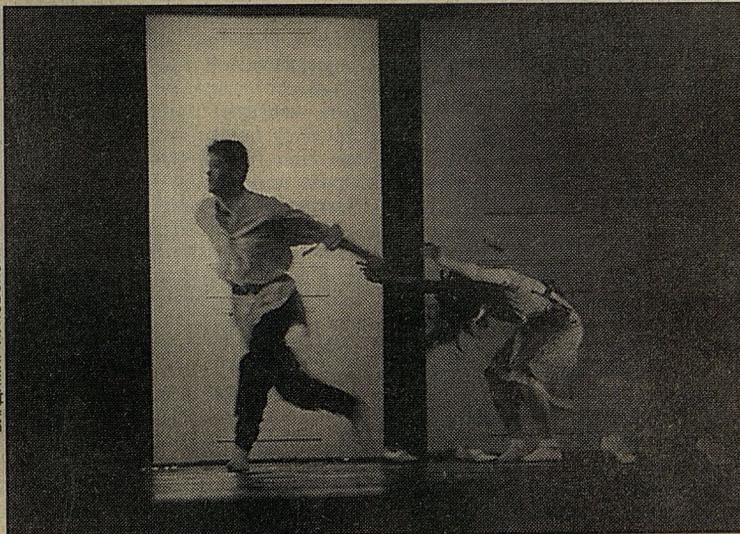
Вроде бы, потому что из всего «Мещанина во дворянстве» взят лишь эпизод «турецкого представления». Современная лексика танца, апелляция скорее к цирку, чем к блистательному фуэте, но — дух веселого состязания, та же интонация высокого балета, фантастическим образом играющего в детские игрушки.

«Взаимодействия» — это снова «вроде бы». Вроде бы «послеполуденный отдых фавна». Звучит не Дебюсси, а его электронная обработка (японский композитор Томита). Качиулеану и не пытается быть Нижинским. И тем уже интересен.

Этот монолог превратился в балет для двоих (сам Качиулеану и Руксандра Раковитца) — и снова стала видна классическая школа. В том,

как выстроен дуэт, в четкой его форме и завершенности каждого движения. Завершенности все же не абсолютной (не «Лебединое озеро»), но мягкой и при этом не менее точно выражающей чувство.

В 1992 году Майя Плисецкая впервые показала московской публике «Безумную из Шайо», поставленную Джиджи Качиулеану, и с тех пор интерес к нему тлел в балетоманских сердцах. Международный театральный центр «Весь мир» и Французский культурный центр, при поддержке министерства культуры России представившие этот спектакль, обеспечили темы для новых разговоров — их теперь хватит до следующих гастролей.

ВЛАДИМИР ЛУПОВСКОЙ

Свободная — 1996. — 24 апр. — с. 10